

МНѢНИЕ М. А. ЛОБАНОВА

О ДУХѢ СЛОВЕСНОСТИ, КАКЪ ИНОСТРАННОЙ, ТАКЪ
И ОТЕЧЕСТВЕННОЙ.

(Читано имъ 18 Января 1836 г. въ Императорской.
Российской Академіи.)

Г. Лобановъ заблагоразсудилъ дать своему мнѣнию форму неопределенную, вовсе неакадемическую: это краткая статья, въ родѣ журнальныхъ отрывковъ, помещаемыхъ въ *Литтературныхъ Прибавленияхъ къ Русскому Инвалиду*. Можетъ статься, то, что хорошо въ журналѣ, покажется слишкомъ легко-вѣснымъ, если будетъ произнесено въ присутствіи всей академіи и торжественно потомъ обнародовано. Какъ бы то ни было, мнѣніе г. Лобанова заслуживаетъ и даже требуетъ самаго внимательнаго разсмотрѣнія.

«Любовь къ чтенію и желанію образованія (такъ начинается статья Г. Лобанова) сильно увеличились въ нашемъ Отечествѣ въ послѣдніе годы.

Умножились типографіі, умножилось число книгъ ; журналы расходятся въ большемъ количествѣ ; книжная торговля распространяется. »

Находя событіе сіе *пріятнымъ для наблюдателя успѣховъ въ нашемъ Отечествѣ*, г. Лобановъ изрекаетъ неожиданное обвиненіе. « Безпредвзятые наблюдатели»—говорить онъ—«носящіе въ сердцахъ своихъ любовь ко всему, что клонится къ благу Отечества, переходя въ памяти своей все, въ послѣднія времена ими читанное, не безъ содроганія могутъ сказать: есть и въ нашей новѣйшей словесности нѣкоторый отголосокъ безнравія и нелѣпостей, порожденныхъ иностранными писателями.»

Г. Лобановъ, не входя въ объясненіе того, что разумѣеть онъ подъ словами *безнравіе и нелѣпость*, продолжаетъ: « Народъ заимствуетъ у народа, и заимствовать полезное, подражать изящному — предписываетъ благоразуміе. Но что жъ заимствовать нынѣ (говорю о чистой словесности) у новѣйшихъ писателей иностранныхъ? Они часто обнажаютъ такія нелѣпія, гнусныя и чудовищныя явленія, распространяютъ такія пагубныя и разрушительныя мысли, о которыхъ читатель до тѣхъ поръ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія, и которыя насильственно влагають въ душу его зародышъ безнравія, безвѣрія, и слѣдовательно будущихъ заблужденій или преступленій.»

« Уже ли жизнь и кровавыя дѣла разбойниковъ, палачей и имъ подобныхъ, наводняющихъ нынѣ

словесность въ повѣстяхъ, романахъ, въ стихахъ и прозѣ, и питающихъ одно только любопытство, представляются въ образецъ для подражанія? Уже ли отвратительнѣйшія зрѣлища, внушающія не назидательный ужасъ, а омерзѣніе, возмущающее душу, служать въ пользу человѣчеству? Уже ли истошилось необъятное поприще благороднаго, назидательнаго, доброго и возвышенаго, что обратились къ нелѣпому, отвратному (?), омерзительному, и даже ненавистному? »

Въ подтвержденіе сихъ обвиненій г. Лобановъ приводить извѣстное мнѣніе Эдинбургскихъ журналистовъ о нынѣшнемъ состояніи *Французской Словесности*. При семъ случаѣ своды Академіи огласились собственными именами Жюль-Жанена, Евгенія Сю и прочихъ; имена сіи снабжены были странными прилагательными.... Но что, если (паче всякаго чаянія) статья г. Лобанова будетъ переведена, и сіи господа увидятъ имена свои, напечатанныя въ отчетѣ Императорской Россійской Академіи? Не пропадетъ ли втунѣ все краснорѣчіе нашего оратора? Не въ правѣ ли будутъ они гордиться такой честію неожиданной, неслыханной въ лѣтописяхъ Европейскихъ академій, где досель произносились имена только тѣхъ изъ живыхъ людей, которые воздвигнули себѣ вѣковѣчные памятники своими талантами, заслугами и трудами? (Академіи безмолствовали о другихъ.) Критическая статья Англійского аристарха напечатана была въ журналѣ; тамъ она заняла ей приличное мѣсто, и произвела свое дѣй-

ствіе. У насъ *Библіотека* перевела ее, и хорошо сдѣ-
лала. Но тутъ и надлежало остановиться.

« Для Франціи» — пишеть г. Лобановъ — «для на-
родовъ, отуманенныхъ гибельною для человѣчества
новѣйщею философіею, огрубѣлыхъ въ кровавыхъ яв-
леніяхъ революцій, и упавшихъ въ омутъ душевнаго
и умственнаго разврата, самыя отвратительнѣйшія
зрѣлища, напримѣръ: гнуснѣйшая изъ драмъ, омер-
зительнѣйшій хаосъ ненавистнаго безстыдства и кро-
восмѣщенія, *Лукреція Борджіа*, не кажутся имъ
таковыми; самыя разрушительнѣйшія мысли для
нихъ не столь заразительны: ибо они давно озна-
комились и, такъ сказать, срослись съ ними въ ужа-
сахъ революцій.»

Спрашиваю: можно ли на цѣлый народъ изрекать
такую страшную анаему? Народъ, который произ-
вель Фенелона, Расина, Боссюэта, Паскаля и Монте-
скіѣ,—который и нынѣ гордится Шатобріаномъ и
Балланшемъ; народъ, который Ламартина призналъ
первымъ изъ своихъ поэтовъ, который Нибуру и
Галламу противопоставилъ Баранта, обоихъ Тьери
и Гизо; народъ, который оказываетъ столь сильное
религіозное стремленіе, который такъ торжественно
отрекается отъ жалкихъ скептическихъ умствованій
минувшаго столѣтія,—ужели весь сей народъ дол-
женъ отвѣтствовать за произведенія нѣсколькихъ пи-
сателей, большую частію молодыхъ людей, употре-
бляющихъ во зло свои таланты, и основывающихъ
корыстные расчеты на любопытствѣ и нервной раз-

дражительности читателей? Для удовлетворенія публики, всегда требующей новизны и сильныхъ впечатлѣній, многіе писатели обратились къ изображеніямъ отвратительнымъ, мало заботясь объ изящномъ, объ истинѣ, о собственномъ убѣжденіи. Но нравственное чувство, какъ и талантъ, дается не всякому. Не льзя требовать отъ всѣхъ писателей стремленія къ одной цѣли. Никакой законъ не можетъ сказать: пишите именно о такихъ-то предметахъ, а не о другихъ. Мысли, какъ и дѣйствія, раздѣляются на *преступныя* и на *неподлежащія никакой ответственности*. Законъ не вмѣшивается въ привычки частного человѣка, не требуетъ отчета о его обѣдѣ, о его прогулкахъ, и тому подобномъ: законъ также не вмѣшивается въ предметы, избираемые писателемъ, не требуетъ чтобы онъ описывалъ нравы Женевскаго пастора, а не приключенія разбойника или палача, выхваляль щастіе супружеское, а не смѣялся надъ невзгодами брака. Требовать отъ всѣхъ произведеній словесности изящества или нравственной цѣли было бы то же, что требовать отъ всякаго гражданина безпорочнаго житья и образованности. Законъ постигаетъ одни преступленія, оставляя слабости и пороки на совѣсть каждого. Вопреки мнѣнію г. Лобанова, мы не думаемъ, чтобы нынѣшніе писатели *представляли разбойниковъ и палачей въ образецъ для подражанія*. Лесажъ, написавъ «Жил-блаза» и «Гусмана д'Альфарашъ», конечно, не имѣть намѣренія преподавать уроки въ воровствѣ и въ плутняхъ. Шиллеръ сочинилъ своихъ «Разбойниковъ» вѣроятно не съ тою цѣлію, чтобы мѣлодыхъ людей

вызвать изъ университетовъ на большія дороги. Зачѣмъ же и въ нынѣшнихъ писателяхъ предполагать преступные замыслы, когда ихъ произведенія просто изъясняются желаніемъ занять и поразить воображеніе читателя? Приключенія ловкихъ плутовъ, страшныя исторіи о разбойникахъ, о мертвѣцахъ и пр. всегда занимали любопытство не только дѣтей, но и взрослыхъ ребятъ; а рассказчики и стихотворцы изстари пользовались этой наклонностію души нашей.

Мы не полагаемъ, чтобы нынѣшняя раздражительная, опрометчивая, безвѣзная *Французская Словесность* была слѣдствіемъ политическихъ волненій*. Въ Словесности Французской совершилась своя революція, чуждая политическому перевороту, низровергшему старинную монархію Людовика XIV. Въ самое мрачное время революціи, литература производила приторныя, сентиментальныя, нравоучительныя книжки. Литтературныя чудовища начали появляться уже въ послѣднія времена кроткаго и благочестиваго Возстановленія (Restauration). Начало сему явлению должно искать въ самой литературѣ. Долгое время покорствовавъ своимъ уставамъ, давшимъ ей слишкомъ стѣснительныя формы, она ударила въ крайнюю сторону, и забвеніе вскихъ правильныхъ стала почитать законною свободой. Мелочная и ложная теорія, утвержденная старинными риторами, будто бы *польза* есть условіе и цѣль изящной словесности, сама собою уничтожилась. Почув-

* Современникъ, № I: «О движениі Журнальной Литтературы».

*

ствовали, что цѣль художества есть *идеалъ*, а не *правоугеніе*. Но писатели Французскіе поняли одну только половину истины неоспоримой, и положили, что и нравственное безобразіе можетъ быть цѣлію поэзіи, т. е. идеаломъ! Прежніе романисты представляли человѣческую природу въ какой-то жеманной напыщенности; награда добродѣтели и наказаніе порока были непремѣнными условіемъ всякаго ихъ вымысла: нынѣшие, напротивъ, любятъ выставлять порокъ всегда и вездѣ торжествующими, и въ сердцѣ человѣческомъ обрѣтаются только двѣ струны: эгоизмъ и тщеславіе. Таковой поверхностный взглядъ на природу человѣческую обличаетъ, конечно, мелкомысліе, и вскорѣ такъ-же будетъ смыщенъ и приторенъ, какъ чопорность и торжественность романовъ Арно и г-жи Котенъ. Покамѣстъ онъ еще новъ, и публика, т. е. большинство читателей, съ непривычки, видѣтъ въ нынѣшихъ романистахъ глубочайшихъ знатоковъ природы человѣческой. Но уже «словесность отчаянія» (какъ называлъ ее Гёте), «словесность сатаническая» (какъ говоритъ Соувей), словесность гальваническая, каторжная, пуншевая, кровавая, цыгарочная и пр., — эта словесность, давно уже осужденная высшею критикою, начинаетъ упадать даже и во мнѣніи публики.

Французская Словесность, со временъ Кантемира имѣвшая всегда прямое или косвенное вліяніе на рождающуюся нашу литературу, должна была отозваться и въ нашу эпоху. Но нынѣ вліяніе ея было слабо. Оно ограничилося только переводами и кой-какими подражаніями, не имѣвшими большаго

успѣха. Журналы наши, которые, какъ и вездѣ, правильно и неправильно управляютъ общимъ мнѣніемъ, вообще оказались противниками новой романической школы. Оригинальные романы, имѣвшіе у насъ наиболѣе успѣха, принадлежать къ роду нравоописательныхъ и историческихъ. Лесажъ и Вальтеръ - Скоттъ, служили имъ образцами, а не Бальзакъ и не Жюль - Жаненъ. Поэзія осталась чужда вліянію Французскому; она болѣе и болѣе дружится съ Поэзіей Германской, и гордо сохраняетъ свою независимость отъ вкусовъ и требованій публики.

«Останавливаясь на духѣ и направленіи нашей словесности»—продолжаетъ г.Лобановъ—«всякой просвѣщеннѣй человѣкъ, всякой благомыслящей Русскій видить: въ теоріяхъ наукъ — сбивчивость, непроницаемую тьму и хаосъ несвязныхъ мыслей; въ приговорахъ літтературныхъ — совершенную безотчетность, безсовѣстность, наглость и даже буйство. Приличіе, уваженіе, здравый умъ отвергнуты, забыты, уничтожены. Романтизмъ, слово до сихъ поръ неопределенное, но слово магическое, сдѣлался для многихъ эгидою совершенной безотчетливости и літтературного сумасбродства. Критика, сія кроткая наставница и добросовѣстная подруга словесности, нынѣ обратилась въ площадное гаерство, въ літтературное пиратство, въ способъ добывать себѣ поживу изъ кармана слабоумія дерзкими и буйными выходками, не рѣдко даже противъ мужей государственныхъ, знаменитыхъ и гражданскими и літтературными заслугами. Ни сантъ, ни умъ, ии талантъ,

ни лѣта, ни что не уважается. Ломоносовъ слыветъ педантомъ. Величайшій гений, оставившій въ достояніе Россіи высокую пѣснь Богу, пѣснь, которой нѣтъ равной ни на одномъ языкѣ народовъ вселенной, какъ бы не существуетъ для нашей словесности: онъ, какъ бы безталантный (г. Лобановъ, вероятно, хотѣль сказать безталантный), оставленъ безъ вниманія. Имя Карамзина, мудреца глубокаго, писателя добросовѣстнаго, мужа чистаго сердцемъ, предано глумлению. . . .»

Конечно, критика находится у насъ еще въ младенческомъ состояніи. Она рѣдко сохраняетъ важность и приличie ей свойственныя; можетъ быть, ея решения часто внущены расчетами, а не убѣждениемъ. Неуваженіе къ именамъ, освященнымъ славою (первый признакъ невѣжества и слабомыслія), къ нещастію, почитается у насъ не только дозволеннымъ, но еще и похвальнымъ удальствомъ. Но и тутъ г. Лобановъ сдѣлалъ несправедливыя указанія: у Ломоносова оспоривали (весъма неосновательно) титло поэта, но никто, нигдѣ, сколько я помню, не называлъ его педантомъ: напротивъ, нынѣ вошло въ обыкновеніе хвалить въ немъ мужа ученаго, унижая стихотворца. Имя великаго Державина всегда произносится съ чувствомъ пристрастія, даже суевѣрнаго. Чистая, высокая слава Карамзина принадлежитъ Россіи, и ни одинъ писатель съ истиннымъ талантомъ, ни одинъ истинно ученый человѣкъ, даже изъ бывшихъ ему противниками, не отказалъ ему дани уваженія глубокаго и благодарности.

Мы не принадлежимъ къ числу подобострастныхъ поклонниковъ нашего вѣка; но должны признаться, что науки сдѣлали шагъ впередъ. Умствованія великихъ Европейскихъ мыслителей не были тщетны и для насъ. Теорія науки освободилась отъ эмпиризма, взымъла видъ болѣе общій, оказала болѣе стремленія къ единству. Германская Философія, особенно въ Москвѣ, нашла много молодыхъ, пылкихъ, добросовѣстныхъ послѣдователей, и, хотя говорили они языкомъ мало понятнымъ для непосвященныхъ, но тѣмъ не менѣе ихъ вліяніе было благотворно и часть отъ часу становится болѣе ощутительно.

« Не стану говорить ни о господствующемъ вкусѣ, ни о понятияхъ и ученіяхъ обѣ изящномъ. Первый явно вездѣ и во всемъ обнаруживается и вся кому известенъ; а послѣднія такъ сбивчивы и превратны, въ новѣйшихъ эфемерныхъ и разрушающихъ одна другую системахъ, или такъ спутаны въ суесловныхъ мудрованіяхъ, что они непроницаемы для здраваго разума. Нынѣ едва ли вѣрятъ, что изящное, при нѣкоторыхъ только измѣненіяхъ формъ, было и есть одно и то же для всѣхъ вѣковъ и народовъ; что Гомеры, Данты, Софоклы, Шекспиры, Шиллеры, Расины, Державины, не смотря на различіе ихъ формъ, рода, вѣры и нравовъ, всѣ созидали изящное и для всѣхъ вѣковъ; что писатели, романтики ли они или классики, должны удовлетворять умъ, воображеніе и сердце образованныхъ и просвѣщенныхъ людей, а не одной толпы несмыслиной, пlesощущей безъ разбора и гаерамъ подкачель-

нымъ. Нѣтъ, нынѣ проповѣдуютъ, что умъ человѣческій далеко ушелъ впередъ, что онъ можетъ оставить въ покое древнихъ и даже новѣйшихъ знаменитыхъ писателей, что ему не нужны руководители и образцы, что нынѣ всякий пишущій есть самобытный геній,—и подъ знаменемъ сего ложнаго ученія, поражая великихъ писателей древности именемъ тяжелыхъ и приторныхъ классиковъ (которые однажды за тысячи лѣтъ плѣняли своихъ согражданъ, и всегда будутъ давать много возвышенныхъ наслажденій своему читателю), подъ знаменемъ сего ложнаго ученія, новѣйшіе писатели безотчетно омрачаютъ разумъ неопытной юности и ведутъ къ совершенному упадку и нравственность и словесность.»

Оставляя безъ возраженія сію филиппику, не могу не остановиться на заключеніи, выведенномъ г. Лобановымъ изо всего имъ сказанного:

« По множеству сочиняемыхъ нынѣ безнравственныхъ книгъ, Ценсурѣ предстоитъ непреодолимый трудъ проникнуть вѣсъ ухищренія пишущихъ. Не легко разрушить превратность мнѣній въ словесности и обуздать дерзость языка, если онъ, движимый злонамѣренностью, будетъ провозглашать недѣлѣное и даже вредное. Кто жъ долженъ содѣйствовать въ семъ трудномъ подвигѣ? Каждый добросовѣстный Русский писатель, каждый просвѣщенный отецъ семейства, а всего болѣе Академія, для сего самаго учрежденная. Она, движимая любовію къ Государю и Отечеству, имѣеть право, на ней лежить долгъ неослабно обнаруживать, поражать и разрушать зло, гдѣ бы

оно ни встрѣтилось на поприщѣ словесности. Академія (сказано въ ея Уставѣ, гл. III, § 2, и во все подданнѣйшемъ Докладѣ § III), яко сословіе, утре-денное для наблюденія нравственности, цѣломудрія и чистоты языка, разборъ книгъ, или критиче-скія сужденія, долженствуетъ поглядѣть одною изъ главнѣйшихъ своихъ обязанностей. И такъ, милостивые государи, каждый изъ поченныхъ сочленовъ моихъ да представляетъ для разсмотрѣнія и напечата-нія въ собранія сей Академіи, согласно съ ея Уставомъ, разборы сочиненій и сужденія о книгахъ и журна-лахъ новѣйшей нашей словесности, и тѣмъ содѣй-ствуя общѣй пользѣ, да исполняетъ истинное назна-ченіе сего Высочайшия утвержденнаго сословія.»

Но гдѣ же у насъ это множество безнравствен-ныхъ книгъ? Кто сіи дерзкіе, злонамѣренные писа-тели, ухищряющіеся низровергать законы, на ко-ихъ основано благоденствіе общества? И можноли укорять у насъ Цензуру въ неосмотрительности и послабленіи? Вопреки мнѣнію г. Лобанова, Цензура не должна проникать въ ухищренія пишущихъ. «Цензура долженствуетъ обращать особенное вниманіе на духъ разматриваемой книги, на видимую цѣль и намѣреніе автора, и въ сужденіяхъ своихъ «принимать всегда за основаніе явный смыслъ рѣ-чи, не позволяя себѣ произвольного толкованія оной «въ дурную сторону» (Уставъ о Цензурѣ § 6.). Такова была Высочайшая воля, даровавшая намъ лит-тературную собственность и законную свободу мы-сли! Если съ первого взгляда сіе основное правило

нашой Ценсуры и можетъ показаться льготою през-
вычайною, то по внимательнѣйшемъ разсмотрѣніи
увидимъ, что безъ того не было бы возможности
напечатать ни одной строчки, ибо всякое слово мо-
жетъ быть перетолковано въ худую сторону. *Нелѣ-
пое*, если оно просто нелѣпо, а не заключаетъ въ себѣ
ничего противнаго вѣрѣ, правительству, нравственно-
сти и чести личной, не подлежитъ уничтоженію
Ценсурой. Нелѣпость, какъ и глупость, подлежитъ о-
смѣянію общества и не вызываетъ на себя дѣйствія
закона. Просвѣщенный отецъ семейства не дастъ въ
руки своимъ дѣтямъ многихъ книгъ, дозволенныхъ
Ценсурою: книги пишутся не для всѣхъ возрастовъ
одинаково. Нѣкоторые моралисты утверждаютъ, что и
восьмнадцатилѣтней дѣвушкѣ не льзя позволить чте-
ніе романовъ: изъ того еще не слѣдуетъ, чтобы Цен-
сурса должна была запрещать всѣ романы. Ценсурѣ
есть установленіе благодѣтельное, а не притѣсни-
тельное; она есть вѣрный стражъ благodenstvija ча-
стнаго и государственнаго, а не докучливая нянька,
слѣдующая по пятамъ шаллиныхъ ребятъ.

Заключимъ искреннимъ желаніемъ, чтобы Рос-
сійская Академія, уже принесшая истинную пользу
нашему прекрасному языку и совершившая столь
много знаменитыхъ подвиговъ, ободрила, оживила
отечественную словесность, награждая достойныхъ
писателей дѣятельнымъ своимъ покровительствомъ,
а недостойныхъ — наказывая однимъ невниманіемъ.